

Лунный свет, словно вода, заливал резиденцию генерала, и синяя черепица крыши отсвечивала серебром.

Лу Ци расхаживала по кабинету, но военные донесения в её руках не вызывали никакого интереса — она не могла вникнуть ни в одну строчку. Дневной вопрос Чэн Шаошан: А сестрица, часом, не ревнует? — словно перышко, раз за разом касался струн её сердца. Она была уже не наивной девчонкой и прекрасно понимала, что означает подобное желание обладать, только вот...

— Только вот не хватает смелости признаться, — она насмешливо покачала головой и отложила донесение. Лунный свет за окном был таким ясным, словно само небо безмолвно приглашало её к откровенности.

В то же самое время Чэн Шаошан, свернувшись калачиком на кушетке у окна, бережно держала в руках пожелтевший лоскуток ткани — тот самый платок, в который Лу Ци когда-то завернула для неё леденцы. Платок давно постирали, но от времени он стал таким мягким и ветхим, совсем как её собственные чувства, которые она так старательно прятала все эти годы.

— А-Ци... — тихо прошептала она имя, которое осмеливалась произносить только в хмельном дурмане, и поднесла ткань к самому носу. Аромат сахара давно выветрился, оставив лишь запах прожитых лет, но ей всё чудилось, что она улавливает тонкий, холодный аромат, присущий самой Лу Ци.

Лунный свет пробивался сквозь оконную решётку, окаймляя силуэт девушки серебристым сиянием. Она не знала, что сейчас, когда она опустила взгляд и принялась к ткани, за ней из тени галереи наблюдала Лу Ци.

Лу Ци собиралась зайти к ней поговорить, но, увидев эту сцену, застыла на месте. Она узнала этот платок — подарила его семь лет назад при первой встрече. Кто бы мог подумать, что Шаошан хранит его до сих пор. В лунном свете выражение лица Чэн Шаошан, ласкающей ткань, было таким нежным, что сердце сжималось от боли, а в глазах плескалась любовь, готовая вот-вот выплеснуться наружу.

В этот миг Лу Ци окончательно поняла: это не привязанность ребёнка к старшей, это глубокое обожание женщины к той, что владеет её сердцем.

— Шаошан, — негромко позвала она и вышла из тени.

Чэн Шаошан подскочила, словно испуганный оленёнок, и в суматохе попыталась спрятать платок за спину:

— А... сестрица! Ты как...

— Я видела, — Лу Ци медленно подошла, остановилась перед ней и протянула руку. — Этот платок мой.

Уши Чэн Шаошан вспыхнули, она крепко сжала ткань и покачала головой:

— Нет... это я...

— В правом нижнем углу вышит маленький иероглиф Ци, — мягко сказала Лу Ци. — Его мне подарил наставник, когда я проходила обряд совершеннолетия.

Чэн Шаошан тут же сникла, прикусила губу и протянула платок:

— Я... я просто...

Не успела она закончить, как Лу Ци перехватила её запястье. Не забирая платка, она притянула девушку к себе:

— Почему ты его прятала?

Расстояние между ними резко сократилось, так что можно было пересчитать ресницы друг друга. Сердце Чэн Шаошан забилось как бешеное, дыхание наполнилось прохладным ароматом Лу Ци, смешанным с ночной свежестью, отчего кружилась голова.

— Я... — она открыла рот, но не смогла выдать ни звука.

Вторая рука Лу Ци легла на её щеку, большой палец нежно погладил горячую кожу:

— Помнишь, как в тот день, когда ты напилась, ты называла меня А-Ци?

Чэн Шаошан широко распахнула глаза — она думала, что это был лишь сон!

— И вот так... — Лу Ци склонила голову, её губы едва ощутимо коснулись ключицы Чэн Шаошан, в точности повторяя то, что было в ту ночь. — Помнишь?

У Чэн Шаошан подкосились ноги, она едва не осела на пол, но Лу Ци вовремя подхватила её за талию. Наконец к ней вернулся голос, хоть и тихий, как писк комара:

— Сестрица... не дразни меня...

— Я не дразню, — Лу Ци посмотрела ей прямо в глаза. — Шаошан, посмотри на меня.

Чэн Шаошан набралась смелости и подняла взгляд, утонув в глубокой нежности. Глаза, которые всегда казались такими холодными, сейчас напоминали талую воду, в которой струилась неприкрытая любовь.

— Это не та любовь, что сестра испытывает к сестре, — по слогам произнесла Лу Ци. — Это любовь Лу Ци к Чэн Шаошан, любовь женщины к женщине, та любовь, с которой хочется прожить всю жизнь. Понимаешь?

Лунный свет в этот миг словно стал ярче. В ушах Чэн Шаошан звенело, она не могла поверить в услышанное. Дрожащими пальцами она коснулась щеки Лу Ци, словно проверяя, не сон ли это.

— Правда?..

Лу Ци ответила действием — она склонилась и поцеловала эти слегка приоткрытые от удивления губы. Поцелуй был лёгким, как взмах крыльев бабочки, но у Чэн Шаошан мгновенно на глаза навернулись слёзы. Она вцепилась в одежду Лу Ци, неумело отвечая на поцелуй, и старый платок выскользнул из её пальцев, беззвучно упав к их ногам.

Когда Лу Ци наконец отстранилась, Чэн Шаошан обмякла, словно весенний лёд, и держалась лишь благодаря рукам, обнимавшим её. В свете луны её влажные губы и затуманенный взгляд заставили Лу Ци сглотнуть.

— Теперь веришь? — Лу Ци потерлась носом о её нос.

Чэн Шаошан внезапно уткнулась ей в грудь, спрятала личико в знакомой ложбинке на шее и глухо проговорила:

— Я думала... сестрица всегда будет видеть во мне лишь ребёнка...

Лу Ци тихо рассмеялась, и вибрация её груди передалась телу Шаошан:

— Давно уже нет. — Она подняла с пола платок и бережно повязала его на запястье Чэн Шаошан. — С того самого момента, как ты заслонила меня от вина, — уже нет.

Чэн Шаошан вспомнила прошлогодний дворцовый банкет, когда она выпила кубок, предназначавшийся Лу Ци от третьего принца, и в итоге её, пьяную, пришлось нести домой. Тогда Лу Ци смотрела на неё как-то странно... оказывается...

— Сестрица так хорошо умела скрывать, — проворчала она вполголоса.

Лу Ци подхватила её на руки и понесла к кровати:

— Теперь скрывать не буду.

Полог опустился, отгородив их от остального мира. Лу Ци осторожно уложила Чэн Шаошан, легла рядом и начала наматывать на палец прядь её волос:

— А в ту ночь, в твой день рождения, когда ты напилась, ты точно так же тёрлась о мою ключицу. — Она намеренно повторила то движение, заставив Чэн Шаошан прерывисто вздохнуть. — И наговорила столько всего...

Чэн Шаошан от стыда попыталась закрыть ей рот рукой:

— Не смей говорить!

Лу Ци поймала её ладонь и поцеловала в центр:

— Самое милое было: А-Ци, у тебя такие красивые ключицы, хочу укусить.

— Ах! — вскрикнула Чэн Шаошан и попыталась перевернуться, чтобы сбежать, но Лу Ци снова притянула её в объятия. Они смеялись и боролись, пока Чэн Шаошан не оказалась внизу, задыхаясь и прося пощады:

— Я виновата... сестрица, помилуй...

— Зови меня А-Ци, — Лу Ци склонилась, их носы соприкоснулись.

Чэн Шаошан моргнула и внезапно, набравшись смелости, потянулась и чмокнула её в губы:

— А-Ци.

Этот звук стал искрой, упавшей в стог сена, мгновенно сжигая всякое самообладание. Лу Ци придержала её за затылок, углубляя поцелуй. В переплетении губ и языков Чэн Шаошан быстро училась, даже осмелилась слегка прикусить нижнюю губу Лу Ци, за что та ответила сдавленным стоном.

Когда луна склонилась к западу, они уже спали, обнявшись. Чэн Шаошан лежала на груди у Лу Ци, слушая мощный стук её сердца, и пальцы её бессознательно гладили ключицу возлюбленной — теперь для этого не нужно было искать повода в вине.

— Больно? — тихо спросила она, касаясь старого шрама.

Лу Ци покачала головой и прижала её к себе ещё крепче:

— Спи.

Чэн Шаошан что-то невнятно пробормотала в ответ и перед тем, как окончательно провалиться в сон, почувствовала лёгкий поцелуй на макушке и едва слышное: Моя Шаошан.

На рассвете Чэн Шаошан проснулась в тёплых объятиях. Она слегка приподняла голову и увидела, что Лу Ци уже давно не спит и смотрит на неё, подперев голову рукой. Её серебристые волосы рассыпались по плечам, переливаясь в утреннем свете, словно текущая река звёзд.

— Доброе утро, — улыбнулась Лу Ци, её голос звучал хрипло от сна.

Чэн Шаошан внезапно смутилась, спряталась под одеяло, но была тут же выужена оттуда и зацелована. Немного порезвившись, Лу Ци вдруг приняла серьёзный вид, достала из-под подушки тот самый старый платок и торжественно повязала его на их сцепленные руки.

— Это... — не поняла Чэн Шаошан.

— Знак нашей любви, — Лу Ци поцеловала её пальцы. — От первой встречи до нашей любви — он был свидетелем всему.

У Чэн Шаошан защипало в глазах, она бросилась в объятия Лу Ци:

— Я хочу ещё много-много таких семилетий.

— Хорошо, — пообещала Лу Ци. — Всю жизнь.

За окном восходило солнце, окаймляя новый день золотом. А старый платок безмолвно покоился на их сцепленных пальцах, словно красная нить судьбы, завязанная давным-давно.

<http://bllate.org/book/19994/1971421>